

ЗА ТРУДНОЕ ДЕТСТВО НАШЕ СПАСИБО, ВОВАН НАМБЕР ВАН!

Несмотря на понедельник, Кремлевский дворец полон — пуговичные проплешины в передних рядах партера не в счет: билеты ценой десятки тысяч рублей предназначены не для продажи, а для высокопоставленных гостей

«Ну подпевайте же, помогайте же...» — обращается Маркин к зрителям после первого куплета сентиментально-дворовой баллады, и реплики, которые служили «мостиком» на квартирниках и капустниках 80-х, падают в многотысячный зал просьбой о помощи. А из зала кричат: «Сиреневый туман!» и «Новенького!». Хотя люди пришли как раз за «стареньким», за ностальгией по студенческой самостоятельности и летним лагерям и любая «Шуба-дуба» — лишь повод для коллективного погружения в заветные институтские годы.

На «путешествие во времени» работает и сценография: нарочито сентиментальные бабочки и дворники с метлой порхают на веревочках, задник из московских высоток, расчерченных на «крестики-нолики» и стянутых к экрану-солнышку, на который проецируют Маркина и нарезку клипов.

Однако координаты хрущевской кухни задают не опустившийся над сценой абажур, не имитация мебели и даже не узнавание мелодий, а неожиданно задушевный тон самого Маркина. Он вспоминает промозглую вечернюю электричку, везущую студента МЭИ в родной город Пушкино после репетиции, рассказывает, как учился брать первые аккорды, сидя на унитазах в «белой комнате», где гитара помещалась только по диагонали. Оживают школьная жизнь, родные дворы, первые компании и зависть к импортной гитаре Юрия Антонова.

Глядя на обаятельно-нескладного «Гришковца от шоу-бизнеса», вспомнить молодость легко: технарь-очкарик, физик с гитарой и непослушной челкой, за прошедшие двадцать лет Маркин не изменился. На пустынной кремлевской сцене он двигается и танцует, как на вечеринке в четырех стенах общежития (не наступить на людей, еду и бутылки), — поджимая плечи, неуверенно выбрасывая вперед ноги в потертых джинсах и кедах.

Интимное пространство ностальгической мечты стужается до осязаемой реальности: на сцену, как на кухню, выходит дочка Лилиана и, словно перед родительскими гостями, поет песню, потом Маркин посвящает песню маме, затем одноклассникам, которые тут же машут транспарантами с галерки, еще песню — друзьям из родного Пушкино и однокурсникам МЭИ — все оказываются в зале.

Когда оказавшийся Вовиным однокурсником зампред Госдумы Георгий Боос вышел на сцену и спел роскошным баритоном чуть ли не собственного сочинения романс, ощущение родства стало всеобщим, а дальнейшее появление на подпевках и речевках Алексея Глызина, Сергея Минаева, Алексея Лысенкова и Яна Арлазорова с шутками про то, кто у нас в стране Вован Намбер Опе, только усиливало атмосферу встречи однокурсников.

Под занавес, когда публика собралась в ожидании пресловутого «Тумана», на сцене появился Евгений Максимович Примаков, который, правда, оказался не однокурсником, а просто поклонником певца и подарил ему старую гитару, по легенде, конфискованную дворником у Вовы за то, что его опусы заглушали трансляцию съезда КПСС.

Где те съезды? А Маркин с друзьями целы и невредимы. Они сохранили то, что многие потеряли. Вот даже отнятая гитара нашлась.